

Он видел, как Сяо Цянь отодвинул занавес, сделал несколько шагов вперёд, но вдруг остановился. В тот же миг в сердце Фан Минцзюэ ёкнуло, пальцы под широкими рукавами сжались так, что побелели суставы.

Холод снаружи, что принёс с собой Сяо Цянь, обрушился, словно иней, остудив сумбурные порывы и одержимость Фан Минцзюэ.

Он опустил глаза, густые ресницы плотно скрыли бурю эмоций в его взгляде. Он думал, что, что бы ни сказал этот человек дальше, он сможет сохранить лицо.

Однако в следующий момент всё его тело содрогнулось, и лицо, на которое он с таким трудом накладывал слой за слоем железную маску, в одно мгновение рассыпалось на части.

Грудь, всё ещё сохраняющая лёгкую прохладу, прижалась к его щеке, но от неё исходило тепло. Одна рука обхватила талию, другая легла на плечи и спину. Фан Минцзюэ оказался крепко обнят, а его мочку уха кто-то с досадой укусил, и в ушах прозвучал хриплый шёпот:

— Маленький зайчишка...

Этот голос ударил, как гром, прямо в сердце.

Бледные губы Фан Минцзюэ слегка дрогнули.

— Это... оскорбление императора...

— Тогда пусть Ваше Величество позовёт людей, чтобы меня вытащили и, желательно, забили палками насмерть, — спокойно произнёс Сяо Цянь, отпуская его. — Так вы сможете с чистой совестью провести остаток жизни в одиночестве.

Фан Минцзюэ словно проглотил глоток ледяной воды, уголки его глаз покраснели.

— Сяо Ци, я... я не хотел...

Пальцы Сяо Цяня вдруг двинулись вниз от плеч к талии, развязав пояс.

Тело Фан Минцзюэ напряглось, слова в горле словно застряли, перевернулись и были проглочены.

Сяо Цянь раздвинул слегка широкие полы одежды Фан Минцзюэ, снял пышный и богатый верхний наряд, развязал пояс брюк.

Фан Минцзюэ сидел, словно окаменевший, позволяя этим рукам делать всё, что им угодно.

Но Сяо Цянь не сделал ничего неподобающего. Раздев императора до тонкой нижней одежды, он вдруг остановился, затем взял сложенную на столике рядом обычную императорскую одежду и начал по одной надевать её на Фан Минцзюэ.

Он уже много раз помогал Фан Минцзюэ облачаться в императорские одежды, но никогда прежде не делал это так серьёзно, без насмешек и шуток, словно рисовал тщательную и аккуратную картину, каждый жест был точным и строгим.

Фан Минцзюэ молча наблюдал за ним.

Наконец, Сяо Цянь застегнул полы одежды, поправил слегка сдвинутую корону на голове

императора, опустился на одно колено у кровати, погладил его лицо и с улыбкой, похожей на вздох, мягко произнёс:

— Мне больше нравится видеть тебя в драконьем халате. Помни, ты — император.

Взгляд Фан Минцзюэ дрогнул, он смотрел на Сяо Цяня, губы шевелились, но не произносили ни слова.

— Здесь слишком сыро, спать тут вредно для здоровья, я отведу тебя обратно, — Сяо Цянь всё ещё говорил спокойно и мягко.

Он поднял Фан Минцзюэ, накинул на него плащ и ловко завязал узел на воротнике, но вдруг его запястье схватили.

Сяо Цянь поднял глаза.

Фан Минцзюэ опустил взгляд, сжал губы.

— Я... не пойду.

Сяо Цянь, увидев на этом обычно холодном лице нотки жалобной обиды, не смог больше сохранять спокойствие, его лицо расплылось в широкой улыбке, похожей на старый хризантемный цветок. Он обнял человека и не отпускал:

— Ладно, ладно, только и умеешь, что капризничать. Не хочешь уходить — оставайся. Я попрошу Линь Лин принести тебе горячий суп. Руки и ноги как ледышки.

Фан Минцзюэ, увидев, что он действительно расцвел, как небо после дождя, в сердце вдруг почувствовал странное смятение, поднял руки и сунул свои ледяные ладони под слегка расстегнутый воротник Сяо Цяня.

От этого генерала Сяо чуть не подпрыгнул.

Однако, несмотря на холод, он протянул руку и удержал те, что уже пытались вырваться.

— Давай, муж согреет тебя...

Уголок рта Фан Минцзюэ напрягся, он с силой выдернул руки и, наконец, освободился.

Император спокойно сел за стол в другой комнате, положил руки на колени. Тепло, исходящее от груди, обжигало, словно огонь, кончики пальцев горели.

Сяо Цянь попросил Линь Лин принести горячий суп, разжёг небольшой жаровник, и вскоре внутренние покои наполнились теплом.

Фан Минцзюэ тихо сидел на стуле, наблюдая, как Сяо Цянь суетится. Когда тот отправился в боковую комнату мыться, он снял верхнюю одежду и залёг под одеяло.

Он уже мылся перед тем, как прийти сюда, но после всех переживаний и страха на теле выступил лёгкий пот, и он чувствовал себя слегка липким. Лежа в слегка влажном и холодном одеяле, он ощущал, как влага проникает в кости.

Не знаю, как он терпел это все эти дни, — задумчиво подумал Фан Минцзюэ.

Сяо Цянь быстро принял душ, накинул верхнюю одежду, потушил свечи и увидел рассыпанные по кровати чёрные, как вороново крыло, волосы.

В его сердце вспыхнул маленький огонёк, и он, словно нетерпеливый любовник, скинул туфли и залез под одеяло, притянув к себе свернувшегося калачиком человека.

Маленький император лежал к нему спиной, не сопротивляясь и не протестуя, и эта неожиданная покорность заставила Сяо Цяня удивлённо приподнять бровь.

Обняв его через тонкую одежду, Сяо Цянь спросил:

— Не холодно? Может, всё же отвести тебя обратно в Зал Сунъян. Я не уйду, останусь с тобой.

Фан Минцзюэ молчал. Сяо Цянь подождал немного, затем перевернулся, но его рука была схвачена.

— Спи, — полузакрыв глаза, повернул голову Фан Минцзюэ. — Уже поздно, завтра ранний двор.

Сяо Цянь посмотрел на него, снова лёг и крепко обнял, не стесняясь поцеловать макушку.

Фан Минцзюэ напрягся, но вдруг спросил:

— А тебе не холодно спать здесь ночью?

— Что, наконец, начал заботиться? — тихо рассмеялся Сяо Цянь, без капли стыда. — У меня кровь горячая, я не боюсь холода. К тому же я тут не так уж долго сплю. В Зале Сунъян совсем не холодно, только иногда маленькая ледышка прижимается.

Его слова были полны двусмысленности.

Однако обычно отшучивающийся маленький ледышка на этот раз не стал отнекиваться, а проямлил:

— Тогда завтра вернёмся в Зал Сунъян.

Хвост генерала Сяо чуть не пробил крышу от радости, он уже мысленно вилял им во все стороны, но на лице сохранял вид настоящего джентльмена:

— Хорошо, обсудим позже. Что хочешь завтра после двора? Говорят, на западе города открылась новая закусочная с цзяоцзы...

Маленький император, прижавшись к живому обогревателю, сам собой нашёл утраченное за несколько дней желание спать. С закрытыми глазами он пробормотал:

— Хочу сяолунбао... с крабовым мясом... и жареную утку...

Голос постепенно стих.

Сяо Цянь подождал немного, затем медленно упёрся носом в шею маленького императора, и его вздох был полон не то сожаления, не то облегчения.

Один скрывал свои мысли, другой делал вид, что всё в порядке. Трещина в айсберге была засыпана снегом, и всё казалось целым и невредимым.

Но в конце концов наступит весна, и снег растает.

Холодная война закончилась, и жизнь пошла своим чередом.

На следующий день Сяо Цянь, как обычно, осмотрел территории за пределами дворца, добыл множество вкусностей и неспешно вернулся во дворец. За обедом он заговорил с Фан Минцзюэ об одном деле.

Это дело было довольно любопытным, и оно как раз касалось секретного письма, которое он получил от Гу Чжаньци несколько дней назад.

В письме говорилось о небольшом, но интересном происшествии. Оказывается, когда-то на поле боя Гу Чжаньци познакомился с одним солдатом, и они, найдя общий язык, выпили вместе несколько чаш вина и стали названными братьями.

Этот младший брат Гу Чжаньци не преуспел так, как его старший брат, и после окончания войны остался в Ляоси, где каждый день грыз лёд и вдыхал холодный ветер, живя в крайней нужде.

Ляоси находится на самом севере Наньюэ, и зима там наступает рано. Уже в начале октября выпал первый снег. Однако к концу октября солдаты Ляоси всё ещё не получили новой зимней одежды. Замерзая до костей, они дрожащими руками вытаскивали старую, истлевшую вату из прошлогодней одежды и засовывали её в свои куртки, чтобы хоть как-то согреть свои холодные груди.

Младший брат, будучи умным человеком, не собирался полагаться на старую вату и отправил письмо, которое через пару недель дошло до столицы, с просьбой к Гу Чжаньци прислать ему тёплую одежду.

В принципе, это дело не должно было касаться такого маленького человека, как он, и лучше было бы остановиться на отправке одежды.

Однако, как это часто бывает, однажды Гу Чжаньци, бесцеремонно сидя на углу улицы, пил с несколькими пьяницами и, разговорившись, случайно выудил из них кое-какую информацию.

— В Ляоси сошёл с ума окружной чиновник? — Фан Минцзюэ, устроившись на кушетке, откусывал кусочек рисового пирога.

Сяо Цянь налил ему чай и ответил:

— Позже Гу Чжаньци расспросил торговцев, и это оказалось правдой. Этот чиновник днём снял свою официальную одежду, катался по снегу, кричал и ругался.

Фан Минцзюэ спросил:

— На кого он ругался?

Сяо Цянь мрачно ответил:

— На губернатора Ляоси, который украл армейские деньги, что привело к гибели сотен солдат от холода.